

1955 год

Маршалл Макдаффи

1955 год снова встречали в Кремле, в Георгиевском зале, за теми же столами, с теми же бесконечными тостами и концертом до поздней ночи. Отец держался хозяином, подшучивал над Маленковым, со вкусом чокался с прорывавшимися к главному столу гостями, с удовольствием аплодировал артистам. Он наслаждался. Не все приглашенные разделяли его чувства. Многими кремлевский прием воспринимался как работа, обязаловка, они предпочли бы в эту ночь расслабиться с друзьями дома или в обществе артистов-писателей, например, в Доме литераторов, Доме композиторов или где-то еще. Там не звучали официальные тосты за мир и дружбу, а вовсю потешались на полуполюгальных капустниках.

Недовольные глухо ворчали, но высиживали до конца.

18 января было принято решение о переносе дня памяти Владимира Ильича Ленина с годовщины его смерти, 21 января, на день его рождения, 22 апреля. После смерти Ленина 21 января стало на какое-то время днем всеобщей скорби. С годами скорбь улетучилась, остался просто нерабочий день с формальным торжественно-траурным заседанием в Большом театре. День траура постепенно превращался в праздничный выходной, наподобие 1 Мая или 7 Ноября. В быту все чаще звучали слова о праздновании дня смерти Ленина. После войны власти одумались, 21 января сделали рабочим днем. Теперь же торжественно-траурное заседание заменялось на просто торжественное и проводилось 22 апреля. До субботников тогда еще не додумались, прагматичная мысль совместить день памяти вождя с очисткой городских улиц и дворов от накопившегося за зиму мусора придет кому-то в голову позднее.

В первый день февраля газеты сообщили о встрече отца с видным американским бизнесменом Маршаллом Макдаффи.¹⁵ 2 февраля он дал интервью В. Р. Херсту-младшему, главе крупного американского газетного концерна, крайне реакционного и антисоветского, как писали наши газеты.

Газеты я читал внимательно, прочитанному верил и не понял, зачем отцу понадобилось с этим Херстом встречаться. Отец в ответ на мои расспросы только рассмеялся: Херст не лучше, но и не хуже других, а если мы хотим улучшать отношения с Америкой, то должны находить общий язык с американцами, какие они есть. Я в душе не согласился, но промолчал.

Херста отец принимал как представителя враждебного лагеря, а к Макдаффи он питал почти дружеские чувства настолько, насколько это допустимо в отношении американца. Вероятно, потому, что Макдаффи в рамках деятельности ЮНРРА старался помочь разоренной войной Украине. Отец ценил его искренность и в виде ответной любезности постарался обставить путешествие своего «друга» по советской стране со всеми возможными в то нелегкое время удобствами. Дома отец с юмором пересказывал, какие мытарства пришлось испытать его гостю, как по дороге к нам, так и во время путешествия.

Не могу удержаться, чтобы не воспроизвести пару наиболее примечательных приключений. Вскоре после смерти Сталина уже ушедший с государственной службы, теперь просто американский бизнесмен, Макдаффи написал отцу письмо. Он сохранил самые приятные воспоминания о годах, проведенных на Украине и хотел бы приехать в СССР

¹⁵ Газеты сообщили о встрече задним числом. Маршалл Макдаффи в своей книге «Красный ковер» пишет, что Хрущев принял его 14 ноября 1954 года. После 56-дневного путешествия по Советскому Союзу он покинул территорию СССР в середине декабря 1954 года.

посмотреть, как страна оправилась после военной разрухи и, если возможно, повидаться со старым знакомцем – Никитой Хрущевым.

Макдаффи отправил письмо по почте в конверте с адресом: СССР, Москва, Кремль, Хрущеву – без особой надежды на ответ. В те годы советско-американские контакты не то что не поощрялись, они пресекались в зародыше обеими сторонами. Однако письмо дошло, и через пару месяцев в дверь нью-йоркской квартиры мистера Макдаффи позвонили два пожилых угрюмых человека в одинаковых темно-серых пальто и темно-серых шляпах. Они отрекомендовались консульскими работниками советского посольства в Вашингтоне и сказали, что приехали в Нью-Йорк специально, привезли мистеру Макдаффи советскую визу. Он пригласил их в квартиру, предложил выпить, завязался разговор. Слово за слово, освоившись, гости осторожно полюбопытствовали, кто он вообще такой. Они получили указание из Москвы доставить визу на дом, и это во времена, когда визы на въезд в СССР выдавались едва ли не десятку американцев за год, в основном, дипломатам.

Макдаффи, засмеявшись, пояснил, что они с Хрущевым старые приятели, он написал ему, что хотел бы повидаться, и теперь они доставили ответ. Ничего особенного – дело житейское. Дипломаты «дипломатично» улыбнулись и больше Макдаффи не расспрашивали.

Макдаффи, хоть он и находился в отставке, проинформировал о будущей поездке Госдепартамент. На следующий день в дверь квартиры Макдаффи уже звонил чиновник Госдепа. Он срочно приехал из Вашингтона прояснить, как Макдаффи удалось получить советскую визу. Рассказанной ему истории он, видимо, не поверил и попросил показать паспорт. Макдаффи с готовностью открыл паспорт на странице с визой, и не сразу осознал, что произошло следом. Чиновник выхватил из кармана печать и припечатал на лист «Cancel» (Недействительно). Визу он не мог отменить, он просто «погасил» паспорт вместе с проставленной в нем визой. Возражений Макдаффи он слушать не пожелал и, не мешкая, отбыл восвояси.

В США в беспокойные времена борьбы Маккарти с антиамериканской «заразой» поездки в Советский Союз не поощрялись, и Макдаффи потребовалось немало времени, чтобы восстановить паспорт. Это несмотря на все его связи в Госдепартаменте, где он в свое время занимал немалый пост.

В Советском Союзе Макдаффи получил специальное рекомендательное письмо ко всем областным и прочим начальникам за подписью отца. В сопровождении гида-переводчика от «Интуриста» он объехал всю страну от Харькова, через Сибирь, до Ташкента и Самарканда, и повсюду ему задавали тот же вопрос: как он сюда попал? Для справки: в 1953 году СССР посетило 43 иностранных туриста, в 1956 году – около двух тысяч, в 1964-м – более двадцати тысяч.

Несмотря на высочайшее покровительство, Макдаффи вместе с его гидом не раз задерживала милиция за нарушения правил, которые уже через пару лет не вызывали ничего, кроме досадливой улыбки. К примеру, в Харькове он сфотографировал на торце новенького жилого дома огромное панно – рекламу грузинских вин, изображавшую дуб и на его фоне молодую пару потягивающих гурджаани или цинандали. Под рекламой на улице с лотка торговали дефицитными лимонами. За ними выстроилась очередь. Фотографировать очереди, как мосты, вокзалы и другие «объекты», воспрещалось. Макдаффи отвели в районное отделение милиции, где он торжествующе показал бумагу за подписью Хрущева, предписывающую всем-всем-всем оказывать ему всяческое содействие. Хотя лица у милиционеров вытянулись, но они бумаге не поверили. Стали названивать в Москву. Дозванивались несколько часов, наконец дозвонились, доложили. Ответ получили еще через несколько часов. Все это время Макдаффи просидел в отделении. Когда все выяснилось, дежурный вежливо откозырял и посоветовал больше не нарушать. Однако Макдаффи продолжал «нарушать», его

книга, наряду с фотографиями памятников старины, театров, школ и других достопримечательностей, пестрит изображениями бедно одетых людей, обшарпанных улиц, очередей на колхозных рынках, есть в ней даже фото здания КГБ на Лубянке и «секретного» Крымского моста.

В Москве, уже по пути домой, Макдаффи встретился с отцом. Они вспомнили прошлое, поговорили о будущем. Через год Макдаффи издал книгу с описанием своих приключений в послесталинской России. Он прислал отцу экземпляр с дарственной надписью: «Н. С. Хрущеву. Эта книга написана в духе дружбы. В предисловии я написал: “Надеюсь, что точно и беспристрастно описал то, что видел и слышал”. С огромной благодарностью за Ваше внимание. С совершеннейшим почтением. Маршалл Макдаффи».¹⁶ Эта книга долгое время хранилась у меня, пока я ее не передал в 2005 году в Музей современной истории в Москве. Читается она с огромным интересом и удивлением: неужели это мы были такими в 1954 году? По историческим меркам – почти вчера.